

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА САЗИНА

УДК 111.85; 37.015

кандидат философских наук,
независимый исследователь,
г. Энгельс, Россия,
era_vl@mai.ru

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ЭСТЕТИКИ М. М. БАХТИНА В СОЗДАНИИ АКТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация: Новым образовательным моделям предстоит ответить на потребность сохранения человеком себя в качестве живого целостного существа, личности с «внутренним Логосом», способной к духовному возрастанию и ответственному в «светлом поле» культуры поступку. Когда же, как сейчас, отсутствуют «образцы», подобные философски осмысленным в античной культуре «музыкальному этосу» и «пайдейе», делом теории становится создание актуальной (действующей) образовательной модели и определение в её пространстве соответствующего «ценностного центра», отвечающего «бесконечности универсальной культуротворческой задачи». В статье утверждается, что продуктивным шагом в этом направлении может стать осмысление имеющегося в истории отечественной школы опыта создания образовательных моделей с ярко выраженным «ценностным центром». Это в первую очередь проект «школы диалога культур», определяемый авторами (В. С. Библер) в отношении идей М. М. Бахтина, и осуществлённый в конце XX века кругом учёных-гуманитариев и отечественных школьных практик. Автор полагает, что и в дальнейшем способствовать сохранению практического (проектного) потенциала, возможности вдохновлять создание актуальных образовательных моделей в новых российских условиях, будет такое качество эстетической терминологии М. М. Бахтина, как её «музыкальность». Соответствующий вывод сделан в статье из объяснения М. М. Бахтиным «речевого жанра лирики», исходящего

из её музыкальной основы (из «духа музыки») и рассмотрения понятия об «архитектонике» в анализе музыки как вида искусства. Определение основного «ценностного центра», которым у Бахтина является человек в «единственности» его бытия, находит свои разрешения в «музыкальности» мысли об «архитектоническом центре эстетического видения» (в эссе «К философии поступка»). Проект образовательной модели с таким «ценностным центром» (при сохранении всех практических значимостей реальных образовательных процедур, в том числе и, как сегодня, в виде цифровых образовательных платформ) предстаёт в качестве «единства», утверждающего: целостность, творчество, подлинность, диалог, понимание, «участность», «принципы гуманитарного мышления» (открывая в том числе, и возможности для лучшего понимания терминологии исполнителями проекта). Музыкальность мышления в проектировании образовательной модели означает не только обращённость к человеческому чувству, предполагает не только «музыкальное просвещение» в элементарном и приземлённом (формальном) образовательном смысле, но и обращает к одному из ключевых условий появления образцов образования и образованности. Автор полагает, что это именно формирование в условиях школьной повседневности того, что Бахтин сформулировал как «архитектонический центр эстетического видения».

Ключевые слова: М. М. Бахтин; архитектурный центр эстетического видения; ценностный центр; музыкальность мышления; музыкальная природа диалога; образование человека; образцы образованности; В. С. Библер; школа диалога культур; педагогическая реальность; актуальная образовательная модель; принципы гуманитарного мышления; эстетическая парадигма образования.

Для цитирования: Сазина И.В. Музыкальность эстетики М. М. Бахтина в создании актуальной образовательной модели // Studia Culturae. 2022, 4 (54). С. 96–113. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-54-96-113

IRINA V. SAZINA

Cand. Sci. in Philosophy,

independent researcher,

Engels, Russia,

era_vl@mai.ru

THE MUSICALITY OF M. M. BACHTINE'S THE AESTHETICS IN CREATING AN ACTUAL EDUCATIONAL MODEL

Abstract: New educational models will have to respond to the need for a person to preserve himself as a living holistic being and as a person with an “inner Logos” growing spiritually. When there are no “pattern” like the “musical ethos” and “paideia” that are philosophically meaningful in ancient culture, it becomes a matter of theory to create an actual educational model and determine in its space the corresponding “value center” related to the “infinity of the universal culture-creative task”. The article argues that a productive step in this way can be the understanding of the experience in the history of the national school of creating educational models with a pronounced «value center». This is, first of all, the project of the “school of the dialogue of cultures”, defined by the authors (V. S. Bibler) in relation to the ideas of M. M. Bakhtin, and carried out at the end of the 20th century by a circle of humanities scholars and domestic school practices. The author believes the quality of M. M. Bakhtin’s aesthetic terminology is its “musicality” that will help to preserve the practical (project) potential and the ability to inspire the creation of relevant educational models in the new Russian conditions. The corresponding conclusion is drawn from M. M. Bakhtin’s explanation of the “speech genre of lyrics”, based on its musical basis (from the “spirit of music”) and consideration of the concept of “architectonics” in the analysis of music as an art form. The main “value center” in Bakhtin’s texts is a person in the “uniqueness” of his being; and the definition finds its resolution in the “musicality” of thought in the essay “On the Philosophy of Act” when M. M. Bakhtin talks about the “architectonic center of aesthetic vision”. The project of an educational model with such a “value center” (while retaining all the practical significance of real educational procedures, including, as today, in the form of digital educational platforms) appears as a “unity” that affirms: integrity, creativity, authenticity,

dialogue, understanding, “participativeness”, “principles of humanitarian thinking” (opening, among other things, opportunities for a better understanding of the terminology by the project executors). The musicality of thinking in the design of an educational model means not only an appeal to human feeling, it implies not only “musical education” in an elementary and formal educational sense, but also refers to one of the key conditions for education and “educationality”, the formation in school everyday life of what Bakhtin formulated as “the architectonic center of aesthetic vision”.

Keywords: architectonic center of aesthetic vision; value’ center; musicality of thinking; musical nature of dialogue; human education; pattern of education; V. S. Bibler; school of dialogue of cultures; pedagogical reality; actual educational model; principles of humanitarian thinking; aesthetical educational paradigm.

For citation: Sazina I.V. The Musicality of M. M. Bachtine’s the Aesthetics in Creating an Actual Educational Model // Studia Culturae. 2022, 4 (54). P. 96–113. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-54-96-113

Самые значимые в истории культуры социальные практики, от классической древности, с характерным для нее «сквозным значением музыкальной эстетики» в воспитании [1, с. 8], до эпохи Нового времени и далее, вплоть до XIX и XX вв., — отмечены безусловным признанием тесной связи «образования человека» (воспитательных задач) с музыкой. Сегодня эстетика цифровых медиа, сложное многоуровневое пространство цифровизованного общества, новые возможности коммуникации посредством социальных сетей (простота доступа для в принципе любого пользователя с персональным компьютером к большим объёмам самого разнообразного музыкального материала, к непосредственному личному участию в значимых событиях музыкальной жизни по всему миру и т. д.) — сами по себе не создают устоявшихся и действующих «образцов образованности». Образцы, в своём общественном значении аналогичные тем, к которым приходила античная культура, философски осмысливая

«музыкальный этос» в представлениях о «пайдейе», как и те, благодаря которым «эпоха диалога», — Возрождение, — мыслила музыкальную развитость человека почти тождественной его «образованности», — в цифровизирующемся обществе и образовании пока не сложились.

В поиске новых «образцов» человеческая деятельность в каких-то случаях может прийти, как говорил Кант, к «пустым монограммам» [2, с. 437], подменяющим действительный принцип действия (по Канту, это «идеал»). Потому и отвлечённое философско-теоретическое знание об этом становится необходимым не меньше, чем любые практические методические руководства. Особенно, когда дело касается не сиюминутно значимых решений, но оснований, на которых могли бы строиться искомые актуальные образовательные модели (включая «платформенные» решения в их построении и запуске). Делом теории, помогающей избежать подмены задач «образования человека» — «пустыми «монограммами», становится создание актуальной (действующей) образовательной модели и определение в её пространстве соответствующего «ценностного центра», отвечающего «бесконечности универсальной культуротворческой задачи» (а не перспективе превращения культуры в «человеческий зоопарк»). Поскольку на фоне изменений, вносимых условиями растущего влияния «искусственного интеллекта» и рисками цифровизации, человеку с его «внутренним Логосом» важно сохранить себя в качестве живого целостного существа, способного к духовному возрастанию.

В истории отечественной школы в конце прошлого века сложился опыт создания образовательных моделей с таким ярко выраженным «ценностным центром», определяемым также и в отношении эстетики. Речь идёт о школьных проектах, возникших вслед за открытием отечественной гуманитарной наукой наследия М. М. Бахтина. Это касается прежде всего понятия «диалога культур», проявившего в этом опыте

свою значимость не только в отвлечённом философско-культурологическом смысле. Благодаря «Культурологическим студиям», организованным В. С. Библером (и объединившимися вокруг него учёными [3]), в 90-е годы XX века за этой идеей последовал и некоторый ряд действующих отечественных школ. С именем В. С. Библера проект под названием «школа диалога культур» вошёл и в учебники педагогики. Сегодня, несмотря на то, что проект прекратил своё существование «на практике», его вряд ли следует считать «закрытым». Поскольку, остановленный в своей «школьной» части, он по-прежнему интересен философам [4], не говоря уже об острой насущности/востребованности норм диалога в различных сферах общественной жизни. Полагаем, в сохранении интереса к этой образовательной модели играет роль присутствие в эстетически выстроенном В. С. Библером на практике проекте — уникального «ценностного центра», отвечающего, как нам представляется, и понятию об «архитектоническом центре эстетического видения», о котором М. М. Бахтин ведёт речь в эссе 20-х годов XX века «К философии поступка» [5]. «Предположенное» Бахтиным понятие о «ценностном центре» (по Бахтину, о ценностном центре мира «эстетического видения», и таким центром называется человек в «единственности» своего бытия), представляется имеющим самое непосредственное отношение и к созданию сегодня новых образовательных моделей (возможно, и «цифровых»). Здесь идеи и особый язык текстов Бахтина проявляются так, что при всей своей кажущейся простоте могут представлять значительную трудность для восприятия в рядовой школьной работе. Обусловленная невозможностью исчерпать слово Бахтина выяснением какого-то единственно «точного» его смысла или значения, или «калькуляцией» ограниченного их числа, трудность эта, только возрастает в момент запуска образовательной модели. Если при этом говорится о «диалоге», то самой этой идее придётся существовать в по-особому чуждой

для неё педагогической реальности, — где в первую очередь требуется как раз «определённость» и чёткое выражение/понимание практических задач. В предполагаемом проекте должен быть заложен немалый ресурс времени для «настройки» педагогического мышления, ставящего задачу спроецировать идеи Бахтина, новизну его «полифонических» подходов, — на школьную жизнь; чтобы быть готовыми к встречному пониманию мышления, сложными путями приводящего к целостному видению предмета деятельности, постановки задач и т. д. В этой настройке уже необходимы: и обозначенный Бахтиным «ценностный центр», и «архитектонический центр эстетического видения». В этом, по сути, и состоит сама возможность избежать «монограмм» в выборе принимаемых в педагогическую работу «ценностей». Другого пути, кроме такой «настройки», скорее всего, не существует.

«Музыкальность» терминов, в которых ряд идей Бахтина был открыт отечественной школе, может стать для педагога-практика в этой настройке возможностью преодолеть непростые пути постижения бахтинской мысли. Как и лучше понять сам присущий Бахтину способ музыкально-архитектонически мыслить предмет, — речевой ли это жанр лирического высказывания, или же творческий замысел художественного произведения и вообще весь «мир искусства». Идея «архитектонического центра эстетического видения» (в эссе «К философии поступка») представляется нам в первую очередь значимой в достижении необходимого для исполнения возможного школьного проекта понимания. Как и трактовка Бахтиным в статье «Автор и герой в эстетической деятельности» связи речевого жанра лирики с «духом музыки» и «диалогом», которая, как говорит Бахтин, предстаёт одновременно «видением и слышанием себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я слышу себя в другом, с другим и для других»; где «лирическая самообъективация это одержимость духом музыки,

пропитанность и просквоженность им». А также тем, что «Дух музыки, возможный хор — вот твердая и авторитетная позиция внутреннего — вне себя, авторства своей внутренней жизни»; «...Петь голос может только в теплой атмосфере, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального звукового не-одиночества». [5, с. 161] (здесь и далее нумерация страниц даётся по PDF-версии издания).

В объяснении речевого жанра лирики «музыкой», — у Бахтина сама музыка предстаёт иной, чем, скажем, у Гегеля, анализирующего «музыку» только как определённый вид искусства, имеющий свои отношения со временем, со своими законами построения и материалом (как и свои особенности в создании произведений, воздействии их на слушателя и в восприятии), с которыми музыка и занимает своё место в гегелевской схеме исторического движения духа (культуры). Бахтин же, когда он говорит о родстве музыки и диалога с лирикой, именно музыку делает ближайшей необходимой ступенью в обобщении. Или тем общим по отношению к речевому жанру понятием, которое и имеет доступ к самому существенному в лирике. Кроме «диалога» таким объяснением в статье М. М. Бахтина «К вопросам методологии эстетики» становится свобода музыки от «непосредственного первичного отношения к материалу» [5, с. 189]. Так что естественное отнесение «музыки» к звуку и «слышанию» оказывается чем-то необязательным или лишь формально значимым. И именно потому, что для Бахтина подлинный смысл «музыки» (и «музыкальности» также), не сводимый к «физике» звука (а в лирике, несводимый и к звуковой форме слова, его «музыкальному моменту»), — и состоит в том, что музыка «больше» акустики (она больше и звучания, и слышания) [5, с. 189]. Главной же становится «созидающая активность музыкальной формы», «активность самого значащего звучания, самого ценностного движения звука» [5, с. 222]. Чем и объясняется, скорее всего, появление «духа музыки» в анализе

Бахтиным речевого жанра лирики, — вместе с появлением затем имеющего обще-эстетическое значение термина «архитектоника». Его явный, специально-музыкальный смысл (в каком говорят об «архитектоническом слухе», «музыкальной памяти», «музыкальном языке» и т. д.) отставлен в сторону, из-за чего появляется «странность»: термин «архитектоника» в эссе «К философии поступка» отнесён к «эстетическому видению». Что как будто делает неважной разницу между «видением» и «слышанием»: почти как и в живописи, становящейся музыкой у Чюрлёниса. Эта «странность» не сразу прочитывается, но зато потом предстаёт категорией: и попадающей в проблемную точку «пограничности» искусств, и заключающей в себе широкий обще-эстетический смысл. Чем приобретает значение в анализе различных видов искусства, говорящем об «архитектонике» как о «построении», согласованности частей и т. д. У Бахтина этот термин выражает способ мыслить предмет музыкально-архитектонически: говорит ли он о речевом жанре лирического высказывания, или же о творческом замысле любого другого художественного произведения. Ни тот, ни другой, не может не подчиниться музыкально-архитектоническим законам построения, которым подчинены непрерывно текущие в потоках времени, постоянно норовящие ускользнуть из внимания и памяти, — и смыслы, и звуки. «Архитектоникой» и музыки, и речи, организовано трудно остановимое движение смыслов (как и диалог в лирике, и закономерно «архитектоническое» единение в «хоре», о чём пишет Бахтин, говоря и о речевом жанре лирики).

Кажется, что об этом же речь идёт и у Гегеля в «Эстетике». Но лишь тогда, когда он говорит о музыке как отдельном, со своей спецификой, виде искусства, — подчёркивая необходимость для неё организовать музыкальные звуки. В том смысле, что музыка, по Гегелю, есть и усилие, и возможность остановить текучесть времени, противостоять забвению — построением музыкальной формы [6, с. 282–284].

Некоторое «сближение» того и другого понимания: музыкально-архитектоничного у Бахтина и совершенно теоретического понимания музыки как вида искусства Гегелем — никак не отменяет того, что оба они остаются глубоко различными в трактовке самой «музыкальности»: Гегель, с его онтологическим взглядом, и Бахтин, сближающий понимание музыки с уровнем «действия» в мире, с ценностной её составляющей, с диалогом и родством с другими видами искусства.

«Музыкальность» термина «архитектоника» у Бахтина распространилась и на «эстетическое видение», о котором говорится в эссе «К философии поступка», создавая возможность понять творческий характер замысла и «ценностные центры» процессов создания художественного произведения в любом материале — как конструирование. Эта возможность и получает название «архитектонического центра эстетического видения». Где «мир эстетического видения» — это «мир искусства». А человек здесь в своей «единственности» и есть всегда — его основной «ценностный центр».

Иметь в виду перспективу создания образовательных моделей и стремясь при этом к подлинности ориентиров в понимании «образования человека» во избежание «пустых монограмм», — значит понимать этот «ценностный центр» как «конституирующее» начало в создании образовательных моделей. И, исходя из этого, не упускать его из вида ни в проекте, ни в многотрудном и постоянно отвлекающем от главного, стремящемся к определённости, школьном его осуществлении. Но именно из-за рядовых условий отечественной школы «для всех» здесь нельзя будет обойтись без «архитектоники» в том понимании её музыкальности, которое находим у Бахтина (и помимо «организованности» — оставаться в смысловом поле действия «ценностного центра»). Это значит, в том числе, исходить не из одного только узкого смысла специфики самого «искусства музыки» (у которого свой материал, звук, и свой орган восприятия его человеком, слух,

и этот материал и это восприятие могут быть непосредственно и одновременно поставлены на службу воспитанию), и даже не из «музыкального этоса» (если бы он вдруг возродился). Но из образа обще-эстетического начала как «духа музыки», позволяющего возникнуть и музыкально-архитектонически смоделированному и выраженному в особой педагогической реальности пространству и новому «целому» педагогической реальности.

Речь, разумеется, не идёт о простой «проекции» мысли Бахтина об «архитектоническом центре эстетического видения» на любое образовательное пространство. Но — о построении образовательных моделей, внутри которых с самого начала их проектирования заложено нечто (смысл, чувство), что позволяет на любых этапах проекта не упустить из вида условие и возможность для того, чтобы вся конструкция модели продолжала оставаться «единством» (сохраняя при этом все практические значимости реальных образовательных процедур, в том числе, как сегодня, — и в виде цифровых образовательных платформ). Это позволило бы даже в элементарном и приземлённом образовательном смысле сохранить причастность музыкального мышления к проектированию образовательной модели. Это одно из ключевых условий сохранения «ценностного центра» вокруг таких ценностей, как: целостность, творчество, подлинность, диалог, понимание, «участность», «принципы гуманитарного мышления» — в их обращённости к человеческому чувству и пониманию (что в известной мере и было в прошлом неплохо учтено в концепциях эстетического воспитания, создаваемых для советской школы, предусматривающих музыкальное развитие детей; хотя сегодня это уже история).

Что касается самой звучащей музыки, то ей также свойственны «моделирующие» функции, которые делают участие её — в замысле образовательной модели и доведении замысла до школьных условий — вполне естественным и необходимым.

Однако, для того, чтобы эти моделирующие функции осуществились, уже в самом начале создания образовательной модели, в самых первых работах по созданию проекта, должен сформироваться «архитектонический центр эстетического видения». Или хотя бы знание о нём (возможно, в виде соответствующей методологии проектирования современных действующих образовательных моделей в условиях реальной школьной повседневности, как структурно значимых в составе общей образовательной модели).

Термин «архитектоника» не будет здесь только аллюзией, или каким-то «означиванием» (например, участия музыки в тех или иных «музыкальных практиках», каким-то случайным образом связанных с образовательными контекстами, например, при). Но центром внимания с большим кругозором, в самом начале создания образовательной модели уже открывающимся — в музыкальности способа мышления. Мышления, воплощаемого в логике самого широкого смысла художественного творчества в решении, содержательные и организующие, задающие «тон» и отношения диалога в составе образовательной модели.

Полагаем, это продолжает оставаться крайне необходимым современной отечественной школе и актуальным для социума (заинтересованного в достаточном количестве «образованных людей»).

Речь, таким образом, идёт об особой архитектонике, в которой нуждается проектирование в образовании.

Подчеркнём ещё раз, — музыкальность термина «архитектонический центр эстетического видения» у Бахтина «срабатывает» не в узком специфическом смысле «искусства музыки» (у которого свой материал, звук, и свой орган восприятия его человеком, слух), а в значении обще-эстетическом. Как движение к музыкальной эстетике, выступающей в действительно общем значении и на почве «образования человека» в целом.

В этом смысле термин «архитектоника» представляется нам здесь понятием, имеющим ключевое значение при построении образовательных моделей. С одной стороны, этот термин говорит, первое, — о необходимости «согласного» представления о будущем «произведении» или «образовательной модели», а с другой, второе, и самое главное, — о наличии уже в самом замысле импульса творчества. И, наконец, третье, о человеке как единственном «ценностном центре» образовательной модели.

Этим высвечен также особый смысловой блок теоретических задач, возникающих при создании образовательных моделей и находящихся свои решения в практике их построения в условиях реальной «школьной повседневности». Попадая в поле широкой значимости музыкальной эстетики, понятие об «искусстве музыки» (ни в чём не подменяя: ни термина «эстетика», ни термина «музыкальная эстетика») тогда выступает также и в своём более широком эстетическом контексте, исключительно необходимом для построения образовательной модели без «монограмм». Поскольку открывает ещё и целый горизонт всё новых и новых, в том числе и практических, лично значимых, смыслов, практически в полном согласии с мыслью Бахтина о главном «ценностном центре» — человеке и «единственности» его бытия. Теоретически выраженная «музыкальность» (и слышания, и видения), участвуя в создании образовательных моделей, будет предполагать сохранение за человеком, принадлежащим реальному современному социуму, со всеми его противоречиями и потрясениями, — в максимально возможной мере (прежде всего, как способности к творчеству), его качества субъектности как универсального существа. Как предполагать и сохранение человеком, «решившим стать образованным», — своей роли в решении «универсальной и бесконечной» культуротворческой задачи.

С этой точки зрения предметом, стоящим за понятием об «архитектонике» у М. М. Бахтина выступает творческий

художественный замысел в его сложном взаимосочетании смыслов, в глубине слитых воедино «энергий», художественно-творческих начал (потому же, почему и в анализе лирики как «речевого жанра» Бахтиным, — творческим началом выступает «дух музыки»). Его Бахтин описывает как рождающий и хранящий возможность «диалога», умения слышать эмоциональный тон и «голос другого» (как и строй его мысли, позицию в мире, способность к ответственному поступку и т. д.).

Важна разница между понятиями «ценностный центр» и «архитектонический центр эстетического видения». Ценностным центром «архитектонического единства эстетического видения» у Бахтина выступает человек («К философии поступка»). И «не как содержательное себе тождественное нечто, а как любовно утвержденная конкретная действительность. При этом эстетическое видение отнюдь не отвлекается от возможных точек зрения ценностей, не стирает границу между добром — злом, красотой — безобразием, истиной — ложью» [5, с. 39]). Подчеркнём, речь идёт об «эстетическом видении», помешать которому может рассудочность, стремление искусственно систематизировать и т. д.

В проектируемой образовательной модели «эстетическое видение и есть возможность исходить: 1) Из универсальности человеческих способностей и человеческом действии, о коммуникации и поведении человека как о способе сохранения человеческого состояния («культура детства» с её универсальностью есть одно из важнейших его проявлений и потому нуждается в сохранении). 2) Из творчества, совершаемого в материале в принципе любого вида искусства, из замысла, «архитектонически» скрепляемого её музыкальностью. В виде «принципа действия» (без слов, без клише и ненужных стереотипов) в творческом замысле сохраняется путь к пониманию и одновременно, к соответствующей практике подготовки новых поколений к жизни (всегда индивидуально адресованной, очень деликатной). И один из реальных путей

к созданию адекватной образовательной модели (проект «школы диалога культур») здесь уже был однажды найден. В нём существенно определяемая логикой музыкального мышления образовательная модель с «архитектоническим центром эстетического видения» только и способна охватить событийность, чувственность, рациональность, нравственность, целостность как «моменты истины»: и в культуре, и в жизни.

Начало пути к созданию современных образовательных моделей, способных и в будущем продолжить на практике имеющиеся ценные школьные проекты, восстановив их реальную архитектонику, организуя их как «точное пространство» для большой идеи «образования человека», и определяется «архитектоникой эстетического видения», «архитектоническим центром эстетического видения» в составе образовательной модели. «Единство мира эстетического видения не есть смысловое-систематическое, но конкретно-архитектоническое единство, он расположен вокруг конкретного ценностного центра, который и мыслится, и видится, и любится. Этим центром является человек, все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека, как центра и единственной ценности; все — и здесь эстетическое видение не знает границ — должно быть соотносено с человеком, стать человеческим» [5, с. 17].

Применительно к созданию образовательной модели это и означает самое главное: то творческое начало, которое определяет деятельность воссоздания образа человеческого в каждом новом поколении людей (через «образование для всех», в диалоге «учитель–ученик», «ребёнок–взрослый», и не ради ответа на «аристократический» запрос о «хорошем образовании», не ради личных амбиций, не как знак «пользы» и «элитарности» получаемого образования, а как естественное состояние и путь жизни, на которые имеет безусловное

право любой свободный человек). В этом качестве в архитектонике эстетического видения и «музыкальный этос» или то, что Бахтин называет в своём анализе речевого жанра лирики — «духом музыки», сохраняет и проявляет себя как «не названная» универсальная творческая сила, и этот образец сам может становиться (как причастный «архитектонике», наделяющей значением внутренние смысловые пространства проектируемой модели) ценностным центром в новых общественных условиях (цифровизация, коммерциализация и т. д.). Может стать реальным условием так же и для «образовательной модели».

В эссе «К философии поступка» (где «поступок» также имеет свою архитектонику, «принцип действия в мире») все по отдельности рассмотренные составляющие сходятся в «архитектоническом» единстве, представлены в нём, подчинены ему. Связывая музыкальность с лирикой («чужим извне слышимым голосом, организующим мою внутреннюю жизнь в лирике»; «возможный хор, согласный с хором голос, чувствующий вне себя возможную хоровую поддержку»), Бахтин говорит о музыке, которая, как и лирика, только владея «принципом действия в мире», как и любой другой вид искусства, — оказывается сопричастной творческому воссозданию мира. То, что Бахтин называет это воссоздание «миром эстетического видения», видя в нём, прежде всего, «мир искусства» в целом, то есть, самое начало художественного творчества, импульс к нему, — по сути, есть также и мысль об универсальности художественного творчества. Понять способность музыки быть прообразом этой универсальности (и, добавим, одновременно сотворения также и образовательной модели), — и значит встать на путь отказа от искажений (пустых «монограмм»). Искажения и монограммы появляются, когда ценностная архитектоника подменена «системой логических отношений (субординацией) ценностей» [5, с. 38]. «Искаженная же и дурная пристрастная

субъективность будет иметь место лишь там, где в эту конкретную архитектуру видения будет введен содержательно-смысловой момент с содержательно же смысловой точки зрения ложный и неверный, что связано и с искажением и перестройкой всей архитектуры в целом [5, с. 39].

Позиция «конкретной архитектуры мира эстетического видения», определяемая у Бахтина утверждением «ценности всего человеческого» («...Всюду здесь момент ценности обусловлен не основоположением, как принципом, а единственным местом предмета в конкретной архитектонике события с единственного места причастного субъекта. Все эти моменты утверждены, как моменты конкретной человеческой единственности» [5, с. 43]), — способна открыть и открывает то «точное пространство», в котором только и могут существовать главные начала актуальных образовательных моделей. Как более объёмные (и глубокие) в своём значении, — чем только технологически обучающие модели (лишь частично или поверхностно отвечающие задачам «образования человека»), к которым часто сведено образовательное проектирование, — они выступают в необходимой мере альтернативными односторонностям машинного, электронного, цифрового варианта моделирования образования, способны предотвратить накопление рисков цифровизации — проектированием *общих* качеств модели «образования человека», задающих не одну сиюминутную значимость «эффективности», «полезности» работы образовательных моделей, процессов, систем и т. д. И сохранить главные параметры: и школьной модели, и всей «экосистемы образования». А с ними и человеческий уровень жизни социума, его культуры, технологической сферы и т. д.

Реальной эту перспективу делает актуальная образовательная модель в виде «эстетической парадигмы образования» (обладающей способностью в каждом данном образовательном пространстве, в том числе и в пространстве, создаваемом

цифровой образовательной платформой, обеспечить присутствие музыкальных форм, вмещающих этос «образования человека» и принципы «гуманитарного мышления», определяя при этом необходимые в этом ключе организационно-педагогические действия).

Список литературы | References

1. Античная музыкальная эстетика / предисл., общ. ред. В.П. Шестакова; сер. «Памятники музыкально-эстетической мысли». М.: Музгиз, 1960. 304 с.
Antique musical aesthetics, foreword & general ed. V.P. Shestakova; series “Monuments of musical and aesthetic thought”. Moscow, Muzgiz, 1960. 304 p. (In Russ.)
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; под ред. Ц.Г. Арзаканьяном, М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканьяна. М.: ЭКСМО, 2015. 736 с.
Kant I. *Criticism of pure reason*. Moscow, EKSMO, 2015. 736 p. (In Russ.)
3. Неретина С.С. Библиер и нулевое время // Вопросы философии. 2018, № 9. С. 154–160.
Neretina S.S. “Bibler and Zero Time”, *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 9, pp. 154–160. (In Russ.)
4. Длугач Т.Б. В.С. Библиер и проблема начала логики // Вопросы философии. 2020, № 1. С. 104–113.
Dlugach T.B. “V.S. Bibler and the problem of the beginning of logic”, *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 1, pp. 104–113. (In Russ.)
5. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 722 с.
Bakhtin M.M. *Collected Works: in 7 vols. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s*. Moscow, 2003. 722 p. (In Russ.)
URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bahtin-mihail-mihajlovich/tom-1-filosofskaya-estetika-1920-h-godov/2>
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 621 с.
Hegel G.W.F. *Aesthetics: in 4 volumes. Vol. 3*. Moscow, 1971. 621 p. (In Russ.)